

Н. С. Хрущев в гостях у М. А. Шолохова

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й № 108 (4074) Вторник, 1 сентября 1959 г. ЦЕНА 40 коп.

В станице Вешенской

(от НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА)

У ДОБРЫХ вестей — легкие крылья. Еще по дороге из Ростова в Вешенскую нашу машину несколько раз атаковали станичные мальчишки:

— Это правда, что товарищ Хрущев придет в гости к нашему Шолохову?

— А когда?

— А наилог?

— А по какой дороге?

Да что там мальчишки! Степенные станичники, завидев «легковушку» с городским номером, подходили, спрашивали, не скрывая удивления и гордости:

— Значит, не зря люди гуттят: сам

Никита Сергеевич в Мишайлу Александровичу на хлеб-соль приедет?

Станица Вешенская уже давно вошла в историю советской и мировой культуры. Здесь, на берегу реки Дона, живет и работает автор «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека». Об этом знали миллионы людей в нашей стране и за ее пределами. В последние годы к нам присоединились еще десятки и сотни миллионов — шолоховские герои, ожившие на экранах кинотеатров, с триумфом об要比ши земной шар.

И вот теперь станица Вешенская становится символом подлинной демократии советской системы, той системы, при которой писатель может пристаскать к себе главу государства, а глава государства считает должным принять это приглашение, приехать, несмотря на то, что у него находились тысячи неотложных дел.

...Не без волнения подъезжаем мы к станице Вешенской, или к Вешкам, как люблю ласково называть станицу жители Донского края.

После многих километров пути по однообразной степной равнине, где даже одинокое деревце — большая редкость, мы видим видим перед собой настоящий союзный лес. Откуда он здесь?

Мой попутчик, местный житель, горячо говорит:

— За это наше имя Шолохову надо сказать большое спасибо! На Вешки наливались песни. И он любил, что в районе Забайкалья Бугор было создано механико-аграрное лесное хозяйство, а затем — лесоэнергетическая станция. Ученые и практики начали наступление на пески и оставили их. Вот эти пески. И еще заросли лесистого тополя, особого тополя, который вывел сами.

Дорога ведет к изысканному песчаному берегу Дона.

— «Позагорать» придется, пока парома дождемся, — ворчит водитель.

— Ах, нет! — смеется попутчик. — Отстал ты, брат, от жизни: несколько дней назад открыли тут мост. Вот его види. Опять Михаил Александрович хлопотал...

Вешенская видна нам с берега, нарядная, белостенная, в зелени садов.

— Опять же Шолохов посыпал в Вешках первые фруктовые деревья. До него не верили, что сады могут расти на вешенских песках, — поясняет наш попутчик.

Да, многое здесь связано с именем Шолохова. Как человек, живущий интересами родного края, как коммунист и член районного комитета партии, кто делает областного и Верховного Советов, он занимается и о дорожном строительстве, и о создании массовых библиотек, и о развитии художественной самодеятельности, и о том, чтобы вешенские животноводы не отговаривались животноводами передового Кагальницкого района.

В этот неразрывный связи с жизнью, в постоянном общении с народом — сила писателя Шолохова. Отсюда идет поразительная жизненность рожденных им образов.

В одном из недавних номеров вешенской районной газеты опубликовано письмо румынских крестьян из села Денца. Члены колхозного хозяйства рассказывают автору «Поднятой целины» о том, как они читали его книгу и как она помогла им понять правильный путь. В знак признательности за эту помощь они решили назвать свой колхоз — «Поднятая целина». Румынские крестьяне пишут, что с нетерпением ждут окончания любой книги.

Скоро они и миллионы других почитателей таланта Шолохова получат ее. Никита Сергеевич Хрущев прибыл к Михаилу Александровичу как раз в тот момент, когда писатель занят работой над последними главами романа.

РАННЕЕ воскресное утро. Толпы празднично одетых станичников заполонили высокий берег Дона. На автобусах, грузовиках, украшенных альмины полотнищами, легковых машинах приехали труженики Вешенского района. И не только они, — тут руководители партийных и советских организаций Ростовской области, многочисленные делегации из районов Ростовской, Воронежской и Ставропольской областей. Можно сказать, весь Дон вместе с его певцом разделет радость встречи.

Вот в небе появляется белокрылый самолет. Он медленно снижается, летит на посадку, мягко касается земли. На трап выходят загорелые, смеющиеся Никита Сергеевич. Он крепко, по-братьски обнимается и целуется с Михаилом Александровичем. Ионеры преподносят Никите Сергеевичу яркие осенние букеты. «Подходит», — шутят Никита Сергеевич, — мне же с ними не управляться». Высокий черноусый казак — бригадир тракторной бригады лесхоза Яков Петрович Пиарев преподносит товарищу Хрущеву

хлеб-соль и поздравляет его с благополучным прибытием на донскую землю.

Никита Сергеевич тепло благодарят собравшихся за радушную встречу и вместе с Михаилом Александровичем садятся открытую машину. На задних сиденьях — члены семьи Н. С. Хрущева, прибывшие вместе с ним, и супруга М. А. Шолохова.

После завтрака, прошедшего в сердечной семейной обстановке, Никита Сергеевич, Михаил Александрович и члены их семьи совершили прогулку на катерах вдоль живописных берегов Дона, здесь их тепло встречали тысячи жителей станицы и близлежащих хуторов.

Во второй половине дня на главную площадь Вешенской начинает собираться народ. Это — знаменитый майдан, на котором казаки «Тихого Дона» решали главные свои дела. Но от старого майдана осталась лишь белая церковь, описанная Шолоховым. Сейчас тут Дом культуры, библиотека, книжный магазин, больница, школа-интернат, почта... Да и люди на площади не те, что раньше. Это наши славные колхозники и колхозницы, знатные трактористы, комбайнеры. На груди многих — трубоные ордена, медали.

На трубы появляются Н. С. Хрущев,

М. А. Шолохов, руководители Ростовской области, представители делегаций гружающихся. Секретарь Вешенского райкома П. В. Сердюк открывает митинг. Он передает сердечное приветствие товарищу Н. С. Хрущеву от имени тружеников Верхнего Дона. Секретарь Ростовского обкома КПСС Н. В. Киселев говорит, что приезд товарища Н. С. Хрущева высокого звания Михаила Александровича Шолохова — это одно из произвле-

ний работы нашей партии, ее Центрального Комитета о творческих работниках — писателях, композиторах, художниках, скульпторах.

На митинге со словами сердечного привета главы Советского правительства выступили председатель колхоза «Гигант Дон» Н. Д. Турилии, молодая колхозница-аграристка лесное хозяйство, а затем — лесоэнергетическая станция. Ученые и практики сообщили начальству на пески и оставили их. Вот эти пески. И еще заросли лесистого тополя, особого тополя, который вывел сами.

Наша партия всегда умела и умела знать как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Наша партия и весь советский народ

знают как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатипятилактными тиражами на шестьдесят языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где бы не было произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

Михаил Александрович широко

знает как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обожают весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шол

ДОБРОГО ПУТИ!

Стихи Романа Левина

В Литературный институт имени А. М. Горького пришло новое пополнение. Вместе с ним и фрезеровщик одного из харьковских заводов, молодой поэт, ныне студент заочного отделения Литературного института, Роман Левин. Одиннадцатилетний сын офицера Советской Армии, он встретил войну на расвете 22 июня 1941 года. На его глазах была уничтожена почти вся семья.

Лишь чудом Роману удалось избежать гибели, он надолго стал бесприютным бродяжкой:

Трижды он бежал из-под расстрела,
Мыкался по польским хуторам,
Смерть из каждой щелочки смотрела
И упрямо кралась по пятам...

Эта польская патротка, Флория Будищевская, заменила ему мать, пока за связь с партизанами не была сама расстреляна гитлеровцами.

В 1949 году началась трудовая деятельность Р. Левина, а несколько позже и литературная работа. В 1958 году в Харьковском издательстве вышла первая книга его стихотворений. Собранные в ней стихи — далеко не разысканные. Лучшие — идут от жизни, от биографии.

Впереди у Романа Левина упорная литературная учеба и большая поэтическая дорога. От всего сердца пожелаем ему доброго пути!

Николай СОКОЛОВ

НАША РОМАНТИКА

В книгах и фильмах,
Попробуйте,
гляньте-ка,
Геолог — это сплошная романтика,
Тающие дебри,
Кости и привалы,
Компас и карта,
Тоска и лишения
И непременно редких металлов
Невероятные месторождения.
А нам не нужны ни платки, ни флаги,
Не по тяге мы устальные толпам, —
По самым обычным полям и оврагам
На Украине,
Под Мелитополем.
Штанга в землю ушла до отказа.
— А ну-ка, ребя, ранен разок...
Мы ищем не золото и не алмазы,
Мы ищем крупнозернистый песок.
Песок для бетона,
Бетон для плотины,
Которую здесь возвести должны.
Расступаются, крутые глины
И зыбучие плавни!

Вот она, славная, без позолоты —
Руки в мозолях,
Лоб загорел —
Большая романтика черной работы,
Романтика самых обычных дел.
Вот она под мелитопольским солнцем
У новых кирпичей,
У трудных высот
Безупречной ульбкой смеется
И рукавом вытирает пот.

ТРУБАЧ

Средь крепостных
развалин,
Под грудой кирпича,
Уже найдут едва ли
Останки трубача,

Сумевшего немного
Снаряд определить,
Успевшего тревогу
Отчизны прорубить.

В сырой туманий
рани,
Где нарастает бой,
Трубач еще не ранен,
Трубач еще живой.

Над ним пылает
воздух,
Под ним земля горит,
А он, живой и грозный,
Трубит,
трубит,
трубит.

В железном сердце
века
Живет желанье петь.
Упражняет человека
Вошло в литую медь.

Она, в огне коробясь
И в песнях зная толк,
Горячая, как совесть,
И ясная, как долг.

Как мужество солдата,
Пока он не убит...
Труба из кузницы
трубит,
трубит.

Смертельный
усталость,
Ты слышьши,
Погоди!
У трубача осталось
Дыхание в груди.

Еще не сошлось
коркой,
Судьбой предрешено,
На потной гимнастике
Кровавое пятно.

Средь крепостных
развалин,
Под грудой кирпича,
Уже найдут едва ли
Останки трубача.

На яростном рассвете,
Покрыл и сон, и плач,
Сыграл свое
Бессмертье
Неведомым трубам.

**НЕДЕЛЯ УЗБЕНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
В КАЗАХСТАНЕ**

**В ПРИВЕТСТВИИ ЦК
КПСС** Третьему съезду
дуд писателей СССР особо
подчеркивалась необходимость дальнейшего укрепления связей между братскими литературами народов СССР.

Недавно ЦК КП Казахстана принял решение о проведении в 1960 году Недели узбекской литературы в Алма-Ате. Союз писателей Казахстана и Казгослитиздат приступают к изданию произведений узбекских писателей на казахском языке. Кроме того, произведения узбекских писателей и поэтов будут печататься в республиканских журналах и газетах.

АЛМА-АТА. (Наш корр.)

ДВЕ ВЫСТАВКИ О РАДИЩЕВЕ

БЕРЕЖНО хранится в наши дни писатель Радищев. Три редчайших экземпляра «Путешествия из Петербурга в Москву», напечатанные в его собственной типографии в 1790 году (из четырехнадцати книг, дошедших до наших дней), хранятся в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Одну из этих книг вместе с другими произведениями Радищева можно видеть в выставках постоянной выставки отдела редких книг Библиотеки имени Ленина. Среди старых изданий — экземпляр «Письма к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего», изданный в том же 1790 году; случайно сохранившийся том уничтоженного царской цензурой посмертного собрания сочинений Радищева, изданные библиографом П. А. Ефремовым в 1872 году; номер журнала от 1789 года «Беседующий гражданин», напечатанный радищевской «Беседой о том, что есть сын отечества».

К 210-летию со дня рождения основоположника русской революционной литературы в читальном зале Ленинской библиотеки открыта еще одна выставка, посвященная памяти Радищева.

Она знакомит читателей с наиболее значительными изданиями произведений писателя и литератором о нем. Наряду с полным собранием сочинений А. Н. Радищева, предпринятым Академией наук СССР в 1938 году и завершенным в 1952 году, большой интерес представляет богато иллюстрированный гравирами и рукописными текстами двухтомник с фотолитографским воспроизведением первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву».

Две новые книги о Радищеве вышли в свет в этом году — «Избрание» со вступительной статьей Д. Д. Благого и «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями» — издание Академии наук СССР.

Секретариат

ЧЕТЫРЕ ФИЛЬМА

Ф. ВИГДОРОВА

Н ЕДАВНО кто-то обронил насмешливое замечание: появился, мол, первый поэт и сценарий о преступном мире — на заседании был он нашей литературы! А на заседании тути ни к чему. Есть в нашей жизни пласти, которых долго не касалась рука художника. Предполагалось, что иных явлений попросту не существует. А о других не стоит говорить с читателем — особенно молодым: не полезно, даже вредно.

Если бы молодежь узнавала о горьком, о темном только из книг, из картин, тогда это рассуждение обладало бы видимостью логики. Но подросток знал о судьбе товарища, который оступился и попал в боровскую шайку. Он знал о письмах из тюрьмы или исправительной колонии. Он встречался с тем, кто из колонии вернулся, и узнал об этой жизни из разных путей. И о других не стоит говорить с читателем — особенно молодым: не полезно, даже вредно.

«Ты же человек!» А человек ли Акула? Все бывает: убийца, вор, бандит может вновь обрести в себе человеческое. Он вспомнил, что рассказали нам об Акуле авторы фильма. Отбросим слова о логике характера, — слушается, что в искусстве логика отступает, ложь. И торжествует — вопреки логике — мыслы автора, живая и непрерывная. Но сценаристы не дали нам никакой надежды, никакой веры в то, что Акула — человек. Акула не просто бандит, вор и убийца. Для него не существует слова «товарищ», которое бывает иногда сияет для вора, — для него святого нет ничего. Он бежит из Акулы, а не поймешь, все мимо тебя проходит!»

И снова неизбежно возникает это очень трудное, очень сложное — как? Как это случилось? Как понял Генка, что единственная свободная и прекрасная жизнь — это жизнь человека, смеющаяся людям в лицо?

Автор сценария В. Спирина совсем

не хочет сказать, что Генка стал честным человеком с перепугом, увидев, кем повел его Михаил Прохоров. Нет, она хочет показать духовное преображение. И автор сценария, и актер (В. Подвиг) стремятся убедить нас, что Генка проэрзил, что он не только испустился из темной ямы, в которую тащил его Прохоров, но и стал уважать труд, честь, правду. И все-таки мы не верим, потому что не знаем, как это произошло. Нам могут сказать: капитан Сушкин направил Краснушкина на стройку, и в новом коллективе Генка стал другим. Как формула, это справедливо, в жизни так бывает. Но ведь перед этим Генка работал на мебельной фабрике и очень быстро оттуда удрал. Что же увлекло его на стройку? «Генка кладет кирпич...»

Спросил рукачицы, снова кладет. Рукачики берут кирпич. Генка кладет кирпич. Так продолжается довольно долго. Мы смотрим на это, видим выразительное лицо актера и хотим верить, что в эти минуты идет процесс перевоспитания, но почему-то на память нам приходит, как Генка издавна тесклив молодому рабочему: «Все стараешься? Ну, строй, строй! Акула не обернулся.

Но однажды — трижды, чтобы зрителю до конца понял и усвоил: нет в этой пушке места ничему светлому — ни дружбе, ни товариществу, — трижды авторы сценария показали, как отворачивается Акула от тех, кто только что ему помог.

Мы совсем не знаем, чтобы романист

зировала образ бандита и убийцы. Сценаристы правы, когда показывают: перед нами не человек — волк. Но мы не уверены, что на таком образе следовало показывать трагедию сломаной, неудавшейся жизни, мы не в силах сочувствовать тому, кто равнодушно шагает по трупам тех, кто только что был ему другом, поддиряжкой, товарищем. А уж если мы взялись за решение этой труднейшей задачи, так покажите, как ожива эта душа, покажите так, чтобы зритель поверил. Право, мы верим в первоначальное, в духовное перенесение, в воскресение. Но мы не можем понять, как получаса, прошедшие с теми сочинениями, которые мы называем «товарищем», могут быть так глубоко, так отвергнуты, возвращаться к исходному состоянию.

Но Акула даже не обгнулся. Надо

взбираться по крутым склонам — Дай руку! — требует Акула. И Чевака, помочь, не дай человеку вновь оступиться. И недаром сейчас, особенно после выступления Н. С. Хрущева на Третьем съезде писателей, мы снова узнаем из газет о случаях исчезновения, о людях, оступившихся возвращением к жизни трудом и доверием.

Как же фильмы справляются с этой темой?

Герой картины «Жизнь прошла мимо» — вор-рецидивист, бандит Николай Смирнов, по кличке Акула. Он бежит из колонии, приезжает в родной город и пытается возобновить прежние связи. Но его бывшие друзья Кешка и Нинка порвали со своим преступным прошлым, Акула не может вернуть их ни угрозой. Мало того: он видит, как оправдываются слова подпольника Панини — жизнь шаляет мимо него. Настоящая радость, настоящий смысл — в Кешиной жизни, в Нининой жизни. А у него — безрадостное, холодное одиночество. Акула это понял. Он осознал, что так глубоко, что сам, по своей воле, возвращается в колонию, чтобы отдать свой срок и вернуться в семью обновленным.

Как же это произошло? Авторы сценария М. Ерзянкин и П. Набоков вправе сказать: неужели вы не поняли? Николай узнал, что у него есть сын. Это произнес ему сердце, помогло увидеть во всей непрятливости грязную, преступную жизнь. Все так. Формально так. И все же, как это произошло?

Да, встреча с маленькой, живым, умным, привлекательным, могла перевернуть душу. Но зритель вправе увидеть этот конфликт, возникший между отцом и сыном. Тут невоз-

можности утверждать, что неужели писатель не видел, что Акула — герой, который оставил отца, а матерей умерла. И вот — это звучит неправдоподобно — мы не раз видим брата и сестру вместе. Столкнувшись с ними один раз автор сценария, как ожил, был обесцелен. И вот, когда мы находимся в семье обновленных, — это многое изменило в жизни и сомнения. Мы не понимаем, как он стал таким.

Хорошее — сокровенное плохого. Плохое — видимое, проще, рассказать о нем легче. Хорошее — сложно. И жестоко мстит за себя попытка сказать о нем скромоговоркой. Когда смотришь фильм «Стучись в любую дверь», все время думаешь: автор галантен, он знает жизнь, умеет видеть ее, — почему же наступают минуты, когда он скользит поверху, когда он не хочет замечать то, что у него под рукою?

Андрюшу, которого сбивает с пути Генка, воспитывает старшая сестра Люся. Их оставил отец, а матеря умерла. И вот — это звучит неправдоподобно — мы не раз видим брата и сестру вместе. Столкнувшись с ними один раз автор сценария, как ожил, был обесцелен. И вот, когда мы находимся в семье обновленных, — это многое изменило в жизни и сомнения. Мы не понимаем, как он стал таким.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зеркальную спину.

Генка влюблен в Люсию. Сейчас нам это просто очевидно — еще один алгебраический значок, который должен пояснить: вот какое обстоятельство помогло Генке осознать себя человеком и встать на верный путь. Он сидит в зеркальном зале и любуется на свою зерка

УРОКИ, КОТОРЫЕ НЕ СЛЕДУЕТ ЗАБЫВАТЬ!

ПЕРВОГО сентября 1939 года гитлеровские войска совершили нападение на Польшу. Так началась вторая мировая война. Она продолжалась шесть лет. И можно без преувеличения сказать, что подавляющее большинство человечества испытывало чувство глубокого удовлетворения в тот день, когда верхушка гитлеровского ряда — генералы, адмиралы и пущечные короли были посыпаны на скамью подсудимых в Нюрнберге. Это было логической развязкой, логическим возмездием.

Но есть больше тайн, в которой рождались войны. В свете исторических событий подготовка второй мировой войны видна как на ладони. Она может уложиться в несколько простых формул. Вот они:

— Германский имперализм и милитаризм жаждут реванша за поражение в первой мировой войне и стремится к завоеванию мира.

— Империалисты США, Англии и Франции питали и поддерживали германский милитаризм и реваншизм. Они надеялись, что им удастся создать таким образом угрозу для Советской России, и как они выражались, барьера против «мирового большевизма».

— Агрессивный блок Германии, Японии, Италии, объединенных «антекоминтерновским пактом», не встречал сопротивления других капиталистических государств. И это позволило агрессорам накопить огромные силы, поставившие под угрозу не только Советский Союз, но и США, Англию, Францию, все страны мира.

— Корыстные интересы магнатов углы и стали, пущечных королей и мощных международных концернов позволяют развернуть безудержнуюгонку вооружений...

Черчиль, переживший разгром английских войск под Дюнкерком и капитуляцию Франции, видевший угрозу захвата гитлеровцами Британских островов, Черчиль, составивший в то время планы эвакуации английского правительства в Ганаду, признает теперь в своих книгах, что Гитлера можно было остановить.

Трудно сказать, можно ли было вообще предупредить возникновение второй мировой войны. Империализм был в то время достаточно силен, чтобы рано или поздно совершить агрессию. Но нет сомнения, что можно было своевременно обуздать Гитлера, помешать его нападению на Чехословакию, Польшу и другие европейские страны. Можно было спасти миллионы невинно загубленных гитлеровцами жизней. Можно было... если бы не было мюнхенской политики, попустительства за-падных держав агрессору.

Советский Союз предупреждал в те грозные дни о военной опасности, на-вящей над Европой. Он предлагал, намечал конкретные меры пресечения агрессии, наставлял на колективных мерах обеспечения безопасности. Западные державы сорвали переговоры о военном сотрудничестве с СССР.

Мюнхенские политики были одержими одной мыслью: попытаться разгромить Советский Союз руками Гитлера.

«Пусть они убивают друг друга», — недалекий Трумэн выложил в открыто то, что пряталось за хитроумными скамьями дипломатов в их игре «против Москвы».

Советский Союз в ту пору не мог изменил ход событий, помешать гитлеровской агрессии. Он был в то время единственной страной социализма. Лагерь сторонников мира был слаб и разрознен. Войне помешать не удалось.

Страшное бедствие обрушилось на человечество: 50 миллионов жизней унесла война. Раны, насеченные ею, не зажили и до сих пор, через двадцать лет...

Можно ли забыть об этом? Нет! Тем более, что в мире сохранились силы, готовые повторить страшное преступление. На западе Германия возрождаются силы реваншизма и милитаризма. Вновь раздаются лозунги «дранг на Остен», призывающие поход на Восток. Владельцы военных концернов — западногерманских и американских — так же, как и тогда, заинтересованы в гонке вооружений, они видят в войне источник на-живки.

Германские реваншисты и американские генералы колпаются в прошлом, вытаскивая из архива пыль гитлеровских полководцев, пытаются возвратить свои развернутую безудержную гонку вооружений. Чем дальше, тем лучше.

Германские милитаристы вновь покровительствуют: на этот раз под прикрытием «Атлантического союза». И снова западногерманские милитаристы готовятся роль ударного отряда в борьбе против Советского Союза.

Но можно ли не понимать, что теперь игра с огнем еще опаснее, чем была с двадцати лет назад? Ведь это игра с атомной бомбой.

Многое изменилось за двадцать лет. Миллионы людей гораздо яснее отдают себе отчет в происходящем. Советский Союз не один стоит на страже мира: значительную часть земного шара занимает государство социалистического лагеря. Впервые в истории создано миролюбие германского государства — ГДР. Социалистические страны ставят своей целью не допустить новую мировую войну, предупредить atomную катастрофу. Лагерь социализма отнюдь не слабеет в военно-техническом отношении, а может быть, и сильнее лагеря империалистов.

В Польши, направленном 18 августа нынешнего года Н. С. Хрущевым канцлеру К. Аденауэру, подчеркивалось, что «если западные немцы используют все экономические возможности и людские ресурсы своей страны с тем, чтобы создать самую мощную в Западной Европе армию, то и в этом случае сила этой армии не была бы равна моющей армии и армии наших союзников. Она даже вместе со своими союзниками не смогла бы сравняться с нами в силе и моции».

Морально же лагерь социализма неизменно и несравненно крепче, небо готов отстаивать свои завоевания, свою свободу, свою пропаганду любой ценой.

И еще один очень важный фактор: колониальный мир не может служить империалистам в случае войны ни оплотом, ни прочным тылом.

Наконец, во всех капиталистических странах активно действуют мощные силы, стремящиеся предотвратить войну. Они действуют целесообразно и организованно. Движение в защиту мира стало силой, вспыхнувшей весь земной шар. Великие надежды возла-

гают народы на предстоящую встречу Н. С. Хрущева с Д. Эйзенхаузером. В наше время не так просто заставить народы воевать, превратить их в пущенное мясо. Пусть не рассчитывают на это генералы, воспитанные на концепциях Гудериана и Клаузевица. Нынешние люди — это не марширующие колонны. Это, впрочем, понимают здравомыслящие люди даже в Западной Германии.

Но в Германии Аденауэр ставку делают на завзятых реваншистов, чье сознание отмечено собственным величием, омраченное завоевательным бредом. Их руки пытаются повернуть вспять колесо истории.

Н. СЕРГЕЕВА

ЖАН ЖОРС родился 3 сентября 1859 года в городе Кастр — на юге Франции.

Каким далеким нам кажется 1859 год! Наполеон III одержал победу над австрийцами в итальянской деревне Сольферино; другие французские полки завоевывали Вьетнам. Англичане заканчивали карательную экспедицию против индийских повстанцев. Началась русско-турецкая война. Сицилийская заставка стала первым нефтяным скважиной. Финансовые бароны Парижа восхищались львиными полувесами и возмущались оправданием Флобера, который написал безнравственный роман о подозрительной жене лекаря. В Пруссии торжественно учредили союз западногерманских и милитаристских государств. И это позволило агрессорам накопить огромные силы, поставившие под угрозу не только Советский Союз, но и США, Англию, Францию, все страны мира.

Германские реваншисты и американские генералы колпаются в прошлом, вытаскивая из архива пыль гитлеровских полководцев, пытаются возвратить свои развернутую безудержную гонку вооружений...

События, волновавшие Жореса, тоже померкли, отошли в далекое прошлое: генерал Буланже и леди Дрейфус, война в Трансваале и афера вокруг Панамы, царские зайцы и парижские субсидии французской прессы, измены Мильбера и предательство Бриана... Но имя Жореса живо. Будь он писателем, художником, ученым, в этом не было бы ничего удивительного. Однако Жорес нельзя даже называть большим политическим мыслителем. Правда, он обладал яром красноречием. Я слышал его в 1911 году и, кажется, до сих пор помню вибрации его голоса. Но ведь голос умирает вместе с человеком, ничего нет эфемерной речи в парламенте или на митинге — вперед она потрясает людей, сегодня ее уж не помнят. В сотнях городов Франции имеется «улица Жана Жореса». Люди, которые живут на этих улицах, знают, что Жорес был замечательным оратором, но вряд ли многие из них ясно себе представляют, о чем говорил этот замечательный оратор. Если их спросят, они ответят: «Жорес был с народом... против войны... его за это убили...» Эти простые люди правы: кроме большого голоса, у Жореса было большое сердце. Когда сердце перестает биться, человек умирает, но сердце может пережить человека; и по улицам Жана Жореса на рабочих окраинах французских городов бродят тени с замолкшим голосом, но с незамолкшим сердцем.

Многие рассуждения Жореса людям 1959 года могут показаться наивными: задним умом крепки все, и нет ничего легче, чем подчеркивать красным карандашом ошибки в летописи прошлого. Жорес не видел социализма, он не был ни философом, ни экономистом, он сердцем предвестника социализма. Да и не сразу он пришел к социалистическим идеалам; когда противники утверждали, что он легко меняет убеждения, он скромно отвечал, что в городе Кастр родился малец, не я гордый социалист. Жорес 1903 года рассуждал иначе, чем Жорес 1883 года; и все же есть в его жизни единство: он знал перемены, он не знал изменения.

Та трагедия, в которой Жан Жорес играл крупную роль, не донесена; изменились декорации, костюмы, стиль красноречия, изменилось и соотношение сил, но борьба за справедливость, за человечность, за мир продолжается. Перецитавшие многие речи Жореса, двинувшие их современности, более того — изобличившие сиюминутность, — это

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обугленные, разбитые гранатами...»

В последние времена в заповеднике произошла перемена. Нет, там не водились регулярно тишина и покой: ушли английские танки, пришли... бонниканы. Спешно со-здаваемый западногерманским реваншистами бундесвер основал в Гейдмарке свои полигоны. И снова гремят орудия в одном из немногих заповедников страны, пугая жителей окрестных сел...

Снимок из немецкого журнала «Ревю рунд ум дельт».

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»

«Если бы снаряды умели читать, — с горечью пишет корреспондент, — то это предупреждение могло бы иметь смысл...» Он описывает, как выглядят немые ландшафты тех мест: «Бронированные танкодромы, ков-где разбитые артиллерийским огнем... Сожженная земля, изуродованные снарядами леса, обуглененные, разбитые гранатами...»